

Вэй Хо моргнул, удивлённый вопросом Чан Жуна, но всё же честно ответил:

— Старший брат сдал военный экзамен цзиньши, и я сопровождал его к Южным воротам.

— А потом? — холодным и твёрдым тоном спросил Чан Жун.

Вэй Хо стал ещё больше недоумевать, но тут Чан Жун повернулся:

— Пойдём со мной в комнату, мне нужно кое-что тебя спросить.

— Хорошо.

По дороге в сердце Вэй Хо поднялось беспокойство. Обычно Чан Жун действительно был строг с учениками, близости не хватало, но редко когда у него был такой вид.

Будто бы увидел любимую вещь, прилипшую к собачьему дерьму.

Вэй Хо подумал об этом сравнении и почувствовал, что если Чан Жун узнает, то обязательно назовёт его пошлым. Он поднял руку, потёр кончик носа и послушно пошёл за ним.

Войдя в комнату, они сели. Чан Жун не стал ходить вокруг да около и высказался прямо.

— Ты и твой брат ходили в гости в резиденцию Ху?

Вэй Хо подтвердил:

— Его превосходительство Ху пригласил нас в гости. Как младшим, нам, естественно, не следовало отказываться.

В следующее мгновение Чан Жун с нахмуренным лицом грохнул книгой о столик для чая.

Щёки Вэй Хо дёрнулись, спина выпрямилась. Он осторожно спросил:

— Учитель, вы с ним в ссоре? Иначе зачем так сердиться.

— В ссоре? — Чан Жун фыркнул. — Называть это ссорой — значит делать ему слишком большую честь.

Вэй Хо на мгновение не посмел говорить.

Неужели это какая-то глубокая вражда?

Чан Жун усмехнулся:

— Ху Жань держит себя как настоящий благородный муж, таких младших, как вы, легче всего им одурачить. У меня когда-то был ученик, такой же, как ты, с гибким умом, высокими способностями и правильным характером. Позже он занял второе место на экзаменах, поступил на государственную службу, сблизился с Ху Жанем и в конце концов даже разорвал со мной отношения учителя и ученика, всем сердцем отвернулся от света и погрузился во тьму. Хм, в итоге стал заключённым.

Вэй Хо почувствовал, что что-то вот-вот прояснится, оставалось лишь проткнуть последний слой оконной бумаги.

— Я знаю, о чём ты хочешь спросить, — пристально глядя на него, сказал Чан Жун. — Он был моим учеником. Раз стал учителем на один день — на всю жизнь как отец. После его смерти я долго расследовал и только потом узнал, что он стал жертвой борьбы фракций, а Ху Жань — тот, кто столкнул его в огненную яму.

Узнав всё это, мысли Вэй Хо стали тяжёлыми, настроение тревожным. А следующие слова Чан Жуна напрямую прорвали тот слой оконной бумаги.

— Так как ты думаешь, почему он выбрал тебя и твоего брата?

Вэй Хо по природе был умён. Чан Жун лишь слегка намекнул, и тот быстро всё понял.

Их с Цинь Хуаем происхождение было простым, за ними не стояли влиятельные семьи, не было запутанных связей власти и интересов. У них не было покровителей, надеяться они могли только на себя.

Именно из-за такого чистого фона Ху Жань, выбирая их, не имел бы никаких скрытых опасений. Если сможет взять их себе на службу, можно будет быть спокойным больше чем наполовину.

Один из них — литератор, другой — воин. Если удастся привлечь их, для Ху Жаня это будет большой выгодой.

И Вэй Хо тоже понимал: если та сторона предложит, а он согласится, то сдать экзамены в следующем году не составит труда. Даже если придётся проталкивать силой, Ху Жань сможет без проблем впихнуть его в список цзиньши.

Именно тогда Вэй Хо вспомнил, что Ван Юань, украв его стихи и представив их перед императором Чжаоюем, прошёл как раз через руки этого министра наказаний.

В комнате воцарилась тишина. Чан Жун успокоил сердце и сказал:

— Хотя у тебя и есть желание войти в дворцовые залы, ты не понимаешь дворцовой ситуации. Сейчас среди борющихся фракций очень мало тех, кто сохраняет нейтралитет, большинство присоединилось к двум группировкам. Одна сторона стоит на стороне наследного принца, другая поддерживает третьего принца. У группировки наследного принца самый весомый сановник — главнокомандующий Линь Чжэнь. У группировки третьего принца в основном гражданские чиновники, возглавляет её как раз Ху Жань. Борющиеся фракции непримиримы, как огонь и вода, несовместимы друг с другом. Хотеть в таком водовороте сохранить себя в безопасности, искать покоя — дело почти невозможное.

Вэй Хо опустил голову, подумал мгновение, поднял взгляд на Чан Жуна и сказал:

— Учитель, вы не хотите, чтобы я поступал на государственную службу?

Чан Жун ответил:

— Когда ты становился моим учеником, я однажды задал тебе вопрос. Если бы я не хотел, чтобы мои ученики касались дворцовых дел, я бы не взял тебя тогда. Дворцовая ситуация — это одно, коррупция чиновников — другое. Но путь чиновника заключается в том, чтобы творить добрые дела для народа и страны, отправная точка этого пути не может быть названа неправильной. Если можно достичь этого, то что бы ты ни делал, сможешь сохранить чистую совесть. Если ты будешь иметь чистую совесть, сохранишь свою изначальную природу, то

какая у меня будет позиция и причина тебя останавливать?

Выслушать одну речь мудреца лучше, чем десять лет читать книги.

Для Вэй Хо это было словно прозрение, озарение, в один миг он всё постиг.

Он тут же встал, поклонился Чан Жуну и сказал слово за словом:

— Ученик понял. Благодарю учителя за наставление!

Чан Жун посмотрел на него, с одобрением тронул уголки губ:

— Это не наставление. При твоей сообразительности, даже если бы я не сказал, рано или поздно ты бы и сам всё понял. А я просто слишком боюсь, боюсь слишком свободно позволять вам расти самим, как тогда...

Раньше Чан Жун всегда был собран и строг, никогда не проявлял слишком много чувств перед своими учениками.

Но сегодня, вспомнив не отпускающее старые дела, невольно опечалился, показав грусть.

Вэй Хо утешил его:

— Ученик осмеливается сказать учителю одно. Как учитель только что сказал: если можно сохранить свою изначальную природу, иметь чистую совесть, то что бы ни делать, не отклонишься от первоначального намерения. И точно так же, какое бы решение ни принял, по какому бы пути ни пошёл, это твой собственный выбор, винить других не в чем. Учитель для него был учителем, но он был всего лишь учителем.

Услышав это, Чан Жун слегка опешил, сжал пальцы, спустя мгновение тихо выдохнул, покачал головой и улыбнулся:

— Верно, это я слишком много думаю.

— Учитель так много думает, потому что любит учеников, как родных детей, это мысли милосердного мудреца.

Чан Жун поднял руку и слегка ткнул в него:

— Только ты умеешь говорить.

Вэй Хо пошутил:

— Ученик лишь говорит факты.

Вернувшись, Вэй Хо рассказал всё Цинь Хуаю.

Он был немного досадован:

— Лучше бы тогда не менял своё мнение.

Он оказался слишком умён для своего же блага, заставив Цинь Хуая принять приглашение Ху Жаня, и теперь очень сожалел об этом. Дело уже было обещано, отказываться было нельзя, но Вэй Хо сейчас совсем не хотел иметь с Ху Жанем никаких дел, чем дальше, тем лучше.

Цинь Хуай сказал:

— Через некоторое время, когда у меня действительно появится официальная должность, так или иначе придётся общаться, полностью избежать этого не получится. Если он заговорит со мной о том, о чём ты говорил, я просто откажусь, не беспокойся.

Вэй Хо, нахмутив брови, долго размышлял, вздохнул:

— Только так и остаётся. Будь осторожен, не попадайся на его крючок.

— Хорошо.

Через несколько дней пир по случаю военных экзаменов состоялся как планировалось.

Когда Вэй Хо вернулся домой вечером, Цинь Хуай ещё не пришёл.

Он не поужинал, подождал немного, но того и след простыл, и он невольно начал волноваться.

Ждал-ждал, Вэй Хо не усидел на месте, поспешно вышел из резиденции Сун и направился к управлению Министерства войны.

Два часа назад.

Цинь Хуай прибыл в резиденцию Ху и вместе с Ху Жанем на одной повозке добрался до места пира.

Пир по случаю военных экзаменов проводился на учебном поле позади управления Министерства войны. Во время пира военные цзиньши также должны были померяться боевым искусством по результатам жеребьёвки.

Цинь Хуай ступил на место пира, и вскоре к нему подошли, устроив на подходящее место.

Также другие военные цзиньши подходили знакомиться и беседовать. Людей становилось всё больше, атмосфера оживлялась.

Незадолго до начала пира Цинь Хуай увидел знакомого — Мин Чэня.

В тот день именно благодаря ему они с Вэй Хо не были отвергнуты высокомерными слугами у ворот резиденции Сун.

Мин Чэнь отличался от других сверстников-военных цзиньши. На нём был элегантный сине-зелёный длинный халат, пояс со свисающими ремнями и нефритовая подвеска. В руке он держал складной веер, выглядел изящно, манера и дух разительно отличались от других участников пира, а одежда была проста и не слишком вычурна.

Он тоже заметил Цинь Хуая, глаза его явно заблестели, они слегка кивнули друг другу.

Вскоре Цинь Хуай увидел ещё нескольких людей в официальных одеждах, сидящих по другую сторону. Все они были чиновниками Министерства войны.

В час шэнь пир начался. Все подняли бокалы, тёплое вино пошло внутрь, атмосфера стала ещё оживлённее.

Вскоре двое были выбраны для поединка. Хотя они были на учебном поле, это было лишь

состязание, без серьёзных травм, и те двое быстро вернулись на свои места.

Прошло ещё два раунда, наконец очередь дошла до Цинь Хуая.

После того как глашатай объявил имя, он встал и вместе с другим участником состязания покинул место, выйдя на открытое пространство.

После трёх кругов вина многие уже слегка опьянели и стали раскованнее, не такими скованными, как раньше.

Соперника Цинь Хуая звали Сунь У, он не входил в тройку лучших, Цинь Хуай смутно помнил, что тот был в конце списка.

Действительно, когда тот мужчина встал перед Цинь Хуаем, некоторые не смогли сдержать смех, и, заметив, что другие тоже начали улыбаться, звуки стали громче.

<http://bllate.org/book/15583/1387733>